

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

С.А. Федорова

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ: ОТ ИНТЕГРАТИВНЫХ ТЕОРИЙ К ТЕОРИЯМ ПОТОКОВ*

В статье проводится подробный анализ современных концепций социальной структуры Э. Гидденса, П. Бурдьё и Дж. Урри. Выявляется и концептуализируется особая область срединных диалектических онтологических категорий, представляющая собой мезоструктуру, в направлении от которой происходит постепенный переход от интегративных концепций Э. Гидденса и П. Бурдьё к концепции мобильных потоковых структурностей Дж. Урри. Детально исследуются такие срединные диалектические онтологические категории, как дуальность структуры Э. Гидденса и процесс двойного структурирования социальной реальности П. Бурдьё, а также производные от них категории социальных практик (Э. Гидденс) и габитуса (П. Бурдьё). Рассматривается переходный структурирующий итеративный принцип «мобильной социологии» Дж. Урри, позволяющий понять отличие интегративных концепций, основанных на принципе рекурсивности, от концепции мобильных потоковых структур. Особое внимание обращается на сущность и трансформацию понятия неравенства в рамках перечисленных социологических концепций социальной структуры.

Ключевые слова: социальная структура, срединные диалектические онтологические категории, интегративные теории, потоки, Э. Гидденс, П. Бурдьё, Дж. Урри.

Постановка проблемы

Проблематизация темы социальной структуры в условиях становления многомерного социума, оформляющегося в процессе сложного диалектического сцепления концептуальных диапазонов, имеющих различную природу, привела к возникновению нового типа теорий, интегрирующих и исследующих взаимообусловленность макро- и микроуровней социальной реальности в сре-

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00359).

Федорова Светлана Александровна — аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра теории и истории социологии (svetlanaun@yahoo.com)

Svetlana Fedorova — Postgraduate student, Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (svetlanaun@yahoo.com)

динных диалектических онтологических категориях*. В современной социологии ключевой проблемой стало соотношение социальной структуры и социального действия, структурных и агентностных подходов. Наибольшую популярность получили интегративные теории Э. Гидденса и П. Бурдьё, в которых дается решение обозначенной проблемы через взаимосвязь структуры и действия. Развитие этих идей многие исследователи видят в анализе динамизма данной взаимосвязи (Шматко 2010: 276–287; Ковалев 2010: 448–470).

Выявленная тенденция нашла свое продолжение в концептуальных подходах, занимающихся изучением процессов структурных трансформаций сложных, динамично развивающихся социальных систем, статичных сетевых и мобильных потоковых структурностей (Appadurai 1990; Castells 2010; Урри 2012; Иванов 2012: 8–16). Изменение взгляда на понимание сущности социальной структуры предопределило смысловую модификацию понятия неравенства. Структуры неравенства стали рассматриваться как процессуальные текущие интенсивности, лишённые жесткой центрации и имеющие слабые территориальные связи.

В рамках данной статьи предпринимается попытка проследить становление и трансформацию срединных диалектических понятий интегративных концепций Э. Гидденса и П. Бурдьё в направлении к потоковым структурностям «мобильной социологии» Дж. Урри, а также описать новые формы неравенства, рассмотренные авторами обозначенных концепций в контексте их теоретических подходов. Для достижения поставленных целей предполагается подробно проанализировать следующие теоретические категории представленных авторов: дуальность структуры Э. Гидденса, процесс двойного структурирования социальной реальности П. Бурдьё, потоковые структуры Дж. Урри.

Обозначив основные проблемные траектории нашего исследования, перейдем к анализу теорий, внутри которых данные проблемы поставлены и понятийно оформлены.

Теория структуриации Э. Гидденса

Начнем с теории структуриации Э. Гидденса. Теория структуриации, являясь интегративной теорией, задействует ресурсы двух противоположных научных подходов: структурного функционализма и понимающей социологии. Используя теоретический потенциал обоих подходов, данная теория диалектически связывает два концептуальных диапазона: контекстуальный диапазон социальных практик, производимых индивидуальными или коллективными акторами в процессе их повседневной деятельности, и диапазон множественных институализированных практик, оформляющийся при опосредованном участии индивидуальных или коллективных акторов. На концептуальном уровне означен-

* Понятие «срединных диалектических онтологических категорий» вводится автором данной статьи с целью концептуализации и дальнейшей аналитики общей для всех интегративных теорий процессуальной мезообласти, сущностными характеристиками которой являются ее расположение между макро- и микроуровнями социальной реальности и реализация диалектической связи означенных уровней.

ная диалектическая связь выражена в понятии дуальности структуры. Сущность структурной дуальности заключается во взаимообусловленном процессе конституирования, в котором крупные институциональные порядки генерируются индивидуальными или коллективными акторами в процессе конкретных ситуативных взаимодействий, являющихся условиями стабильности, непрерывности и трансформации этих порядков, а ситуативные взаимодействия, в свою очередь, возникают и структурируются на основе существующих институциональных порядков. Возможность задействования институциональных порядков акторами вписана в структурную дуальность в виде особого механизма, рефлексивного мониторинга, посредством которого акторы способны понимать причины своих и чужих действий и осознавать институциональные характеристики системы, которую они воспроизводят и трансформируют. Следует однако отметить, что в теории Гидденса сознательность акторов не является безграничной, но получает свои пределы благодаря непреднамеренным последствиям, являющимся неизбежным результатом индивидуальных действий и формирующим новые социальные условия для этих действий посредством включения механизмов обратной связи.

Рассматривая общие положения теории структуриации, мы задействовали понятия, на описании которых следует остановиться более подробно. Для этого попробуем определить понятийные области теории структуриации. На наш взгляд, их три: область субъективных понятий, область объективных понятий и процессуальная область срединных понятий.

Область субъективных понятий включает в себя следующий понятийный комплекс: рефлексивный мониторинг, практическое сознание, непреднамеренные последствия деятельности, социальная интеграция, ситуативные контексты, системы значений, социальные взаимодействия и др. Область объективных понятий представлена иным категориальным набором: правила, ресурсы, власть, институализированные практики, системная интеграция и др. К процессуальной области срединных понятий относится понятие дуальности структуры, а также производное от него понятие социальных практик. Именно через социальные практики реализуется дуальная сущность структуры. Необходимо отметить, что подобное разграничение понятийных областей носит технический характер, поскольку в теории структуриации функционирование всех представленных категорий рассматривается в контексте динамического процесса структурирования социальной действительности.

Обратимся к понятию социальных практик. В категориальной системе теории структуриации оно отнесено нами к области срединных понятий. В теории Гидденса социальным практикам отведена ведущая роль в создании социальной реальности. Будучи своего рода посредником, позволяющим реализовать структурную дуальность, социальные практики рассматриваются одновременно в двух ипостасях: как порождение институциональных структур, вне которых невозможно социальное действие, и как результат этого действия, способный структурировать и перестраивать институциональные структуры. Реализуясь в своей первой ипостаси, социальные практики утрачивают характеристики, присущие единичному действию, не приобретая, однако, черт, присущих институциональным порядкам. Вместо этого практики наделяются

свойством рекурсивности, которое они получают от структуры, и многократно воспроизводятся, благодаря этому свойству, индивидуальными акторами в процессе ежедневной рутинной деятельности. Реализация социальных практик во второй ипостаси — в качестве конституирующего элемента социальных систем, обеспечивает, с одной стороны, непрерывность и цикличность производства и воспроизводства социальных систем, позволяющих рассматривать эти системы как нечто целостное и устойчивое во времени и пространстве, а с другой — трансформировать их посредством постоянного рефлексивного мониторинга ежедневных взаимодействий, происходящих в повседневных ситуативных контекстах.

Понятие рефлексивного мониторинга непосредственно связано с деятельностью индивидуальных и коллективных акторов. Акторы наделены способностью осознавать посредством контроля над своим и чужим поведением причины и цели своей и чужой деятельности. Таким образом, деятельность, являясь непрерывным потоком, не протекает неосознанно. Акторы осознают и узнают, какие социальные практики производятся и воспроизводятся ими самими и окружающими в процессе взаимодействий, оценивают уровень компетентности деятелей, знание ими правил и условий социальной жизни, умение ориентироваться в различных ситуациях социальных контактов. Рефлексируя и изменяя социальные практики, акторы влияют на трансформации, происходящие на уровне социальных систем. Способность к рефлексии тесно связана с практическим сознанием, сущность которого заключается в способности индивидов знать, каким образом следует поступать в той или иной конкретной ситуации, исходя из общей системы значений и ситуативных контекстов, в которых совершается действие.

В повседневной практике действие индивидуального актора представлено следующими составляющими: мотивацией, напрямую связанной с желаниями и потребностями индивида и являющейся проводником ограничений со стороны структур; рефлексивным мониторингом, о котором подробно было сказано выше; непреднамеренными последствиями деятельности, на описании которых мы остановимся сейчас.

Непреднамеренные последствия рассматриваются Э. Гидденсом в трех контекстах: во-первых, в контексте, связывающем непреднамеренные последствия деятельности индивидуальных акторов с уровнем институализированных практик. Здесь речь идет о последствиях единичного события, происходящего по причине недостаточной осведомленности индивидуальных акторов о существовании более широких диапазонов институализированных практик, включающих в себя это единичное событие в качестве элемента и воплощающихся посредством него в деятельности самих этих акторов. Во-вторых, в контексте последствий комплекса индивидуальных действий, когда непреднамеренные последствия возникают в результате целого комплекса преднамеренных индивидуальных действий, и, наконец, в-третьих, в контексте аналитики механизмов воспроизводства институциональных практик. В данном контексте непреднамеренные последствия предстают в виде трансформированных, видоизмененных условий деятельности, которые после ряда повторяющихся воспроизведений становятся общепризнанными и стандартными условиями для

новых действий. Причем действия, совершаемые во вновь созданных условиях, оказывают влияние по принципу «обратной связи» на ситуационные условия первоначальной ситуации (Гидденс 2005: 52–55).

До сих пор мы рассматривали понятия, которые условно отнесли к субъективной и срединной областям теории структуриации. Теперь обратимся к понятиям, принадлежащим к объективной области. В теории Э. Гидденса эти понятия рассматриваются с позиции их двойной функции, а именно ограничения или принуждения и предоставления возможностей для деятельности индивидуального актора. Этими понятиями являются правила, ресурсы и власть.

Описывая ключевые понятия теории структуриации, Гидденс проводит достаточно четкое разграничение между структурой и структуриацией. Структура определяется им как порождающие правила (ресурсы) (Гидденс 2005: 59), не являющиеся преобразующими или трансформирующими по своей сути. Их задача состоит в структурировании или обеспечении непрерывности времени и пространства социальных систем (Там же). Структуриация же, напротив, делает возможным процесс преобразования и изменения. Правила и ресурсы рассматриваются Гидденсом в контексте обоих обозначенных понятий. Трансформирующий характер правил позволяет рассматривать их на уровне понятия структуриации. В данном контексте правила рассматриваются не как устойчивые, неизменные и автономные структуры, но скорее как своего рода типизации или типичные схемы, использующиеся индивидуальными акторами на уровне практического сознания и предстающие в виде обобщенных формул, задающих неограниченный диапазон возможных вариантов их реализации.

Правила и ресурсы, рассматриваемые в контексте структуральных свойств, сущностно связанных с процессуальным измерением структуриации, ответственной за трансформации и преобразования, приобретают ограничивающий и принуждающий характер. Однако, в отличие от автономных, внешних по отношению к индивиду структур структуралистов, структуральные ограничения вплетены в мотивационную область индивидуальных акторов, что позволяет им, не будучи осознаваемыми индивидами, участвовать через их деятельность в воспроизводстве институционального порядка. Таким образом, через посредство индивидов, намеренно или ненамеренно использующих правила и ресурсы в своей деятельности и имеющих неравный доступ к ним, реализуется возможность воспроизводства и изменения социальных систем. Ресурсы выступают в роли проводника, через который реализуются властные отношения и неравенство. Относясь к измерению дуальности структуры, власть не является индивидуальной принадлежностью и обладает свойством преобразований. В этом своем свойстве она рассматривается Гидденсом как предшествующая рефлексивному мониторингу поведения.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о становящейся природе социальной структуры в теории Гидденса, являющейся таковой благодаря способности индивидуальных и коллективных акторов активно рефлексировать над ситуационными действиями и взаимодействиями и перестраивать, таким образом, социальную действительность заранее непредсказуемым образом.

Концепция «двойного структурирования» П. Бурдьё

Интегративная область, выделенная и рассмотренная нами в концепции Э. Гидденса и обозначенная им как дуальность структуры, обнаруживается и в теории П. Бурдьё и описывается им как процесс двойного структурирования социальной реальности. Для описания означенного процесса Бурдьё использует следующие понятия: объективные социальные структуры, практики агентов, инкорпорированные субъективные структуры или габитус, процессы интериоризации / экстериоризации. Введение процесса двойного структурирования в описание конструирования социальной реальности позволяет Бурдьё, диалектически объединив две противостоящие теории: феноменологию и структурализм, избежать доминирования концептуального инструментария какой-либо одной из них и определить теоретические пределы каждой. Рассматривая онтологические основания феноменологии, Бурдьё обнаруживает отсутствие в рамках данной теории даже возможности постановки вопроса об условиях получения опыта очевидности в восприятии мира, об игнорировании участия социальных условий в получении подобного опыта. С другой стороны, обращаясь к структуралистским теориям, Бурдьё отмечает исключение данными теориями возможности активного участия агентов в конструировании социальной реальности, в приписывании автономности объективным структурам, наделение их способностью оказывать неосознаваемое воздействие на агентов.

Противопоставляя свою концепцию двойного структурирования феноменологической теории, Бурдьё в качестве условий опыта очевидности рассматривает совпадение объективных и инкорпорированных структур в практическом действии агентов (Бурдьё 2001: 22). Используя положение структуралистских теорий об автономной реальности объективных структур, Бурдьё говорит о двойственности их роли в рамках своей концепции: во-первых, в качестве объективных структур, не зависящих от сознания агентов, они оказывают формирующее воздействие на практики, действия и восприятие этих агентов; во-вторых, будучи интернализированы агентами через их практики и воплощены в их теле в виде практических схем, объективные структуры утрачивают, таким образом, свою объективность и преобразуются и воспроизводятся действиями агентов.

Существенным дополнением, способствующим лучшему пониманию сущности процесса двойного структурирования социальной реальности, является указание на понятие двуединого внутреннего динамичного принципа, имманентного данному процессу. Двуединство динамичного принципа заключается в его одновременной вписанности как в объективные структуры, ответственные за распределение ресурсов и капиталов, так и в субъективные диспозиции агентов, а также в его способности генерировать отношения между этими двумя типами структур. Отказ от структурной синхронии, задающей жесткие нормы и правила ограничений, позволил П. Бурдьё подойти к анализу социальной действительности с позиции стратегий, положенных в основание практик агентов и позволяющих рассматривать эту действительность как динамичное игровое поле, изменяющееся и развивающееся благодаря последовательным ставкам, позициям и ходам агентов, принимающих активное участие в игре.

Рассмотрев основной принцип теоретической концепции П. Бурдьё, перейдем к более детальному анализу данной концепции. Для анализа концепции двойного структурирования П. Бурдьё предполагается рассмотреть следующие понятия: габитус (практические схемы), практики, практический смысл, практическое чувство, объективные структуры, социальные поля, капитал, доминирование.

Срединным термином, наделенным способностью трансформировать объективную социальную реальность и в то же время формируемым этой реальностью, выступает в концепции Бурдьё габитус или система структурирующих диспозиций или предрасположенностей. Габитус — структурированная, инкорпорированная структура, функция которой заключается в порождении и структурировании практик агентов, в придании им целостности, устойчивости и приспособленности к существующей социальной действительности (Там же: 44). Предпосылочными условиями для формирования габитуса являются объективные структуры, выступающие в роли своеобразных генераторов, делающих габитус объективно совместимым и приспособленным к этим условиям и в то же время отличным от них. Подобная совместимость имеет диалектическую природу и обеспечивает как воспроизводство объективного социального порядка через посредство системы индивидуальных диспозиций, так и конституирование этих диспозиций со стороны объективных структур. Выступая в качестве механизма, интернализирующего внешние структуры, габитус преобразует их, лишая принуждающей силы, но получая в то же время от них свои пределы и границы. Сущностная функция габитуса заключается в воспроизводстве в форме устойчивых диспозиций коллективной истории, объективированной в социальных институтах и в обеспечении условий их стабильности, преемственности и обновления посредством участия агентов в деятельности этих институтов. Объективные структуры посредством габитуса вписываются в тела агентов, получая, таким образом, жизненность через объективацию в телесности индивидуальных или групповых деятелей, реализующих эти структуры в своих практиках.

Рассмотрение диалектического процесса генерирования и трансформации социальной действительности посредством устойчивых объективных структур, с одной стороны, и инкорпорированных субъективных структур, с другой, требует задействовать еще одну категорию, участвующую в означенном процессе: категорию практик.

Сложность представленной категории заключается в ее двойной природе* соединяющей в себе деятельную область, связанную с ситуативностью субъективных актов, и структурную область, позволяющую рассматривать ее как опосредованную форму социальных отношений. Структурная составляющая практик соотносит их с устойчивыми объективными условиями существования социального мира, с социальными отношениями, выступающими условиями практик; ситуативная составляющая — с инкорпорированными структурами, посредством которых осуществляется воспроизводство и изменение этих социальных отношений в индивидуальных или коллективных действиях агентов. Эффективность участия агентов в функционировании социальных отношений напрямую зависит от успешного процесса интериоризации законов этих отно-

шений, воплощенных в виде инкорпорированных схем или габитуса. И в то же время экстерииоризация социальных отношений в практиках способна влиять на эти отношения и преобразовывать их. Механизмом, обеспечивающим экстерииоризацию внутренне усвоенных социальных отношений или, иными словами, субъективным порождающим принципом практик, через посредство которого социальные отношения воспроизводятся и изменяются, выступает габитус.

Сущностная характеристика габитуса в рамках концепции П. Бурдьё заключается в его одновременной отнесенности к уровню индивидуального действия и к уровню воспроизводства социальной структуры. Выявленная особенность воплощается в автономности габитуса как от индивидуальных интенций агентов, так и от объективных структур. В рассмотренной нами выше концепции Э. Гидденса схожими характеристиками обладали социальные практики.

Генерируя практики, габитус воплощается в них в виде как бы случайной приспособленности друг к другу двух видов историй: инкорпорированной истории субъекта и объективированной истории социальных институтов. Подобная диалектическая приспособленность происходит и реализуется в процессе практической деятельности индивидуальных или коллективных агентов. Узнавание предрасположенности агента к выполнению того или иного действия возможно только в процессе совершения самого этого действия, спровоцированного конкретной ситуацией. Анализ практических действий агентов позволяет квалифицировать эти действия как социальные и соотносить их с теми социальными полями или отношениями, которые посредством указанных действий воспроизводятся или трансформируются.

В процессе практического действия габитус выполняет функцию структурирования и упорядочивания практик, функцию преобразования объективной необходимости автономных структур в телесные моторные схемы поступков агентов. В основании многочисленных практик, связанных между собой единым стилевым принципом, может лежать структурная комбинация, состоящая из ограниченного набора генерирующих схем. Сущностной характеристикой таких генерирующих схем, отличающих их от объективных структурных кодов, является их динамичность и рекурсивность. Способность выступать в роли структурирующего, связывающего принципа для практик габитус получает от объективных социальных структур, основанных на таких же принципах связности и упорядоченности и являющихся для габитуса конститутивными. Проходя через преобразующую и трансформирующую систему диспозиций габитуса, объективные структуры воспроизводятся в практиках действующих агентов в измененном и неузнанном ими виде. Именно в таком виде объективные структуры включаются далее в символические системы взаимоотношений агентов, организуя их практики и оставаясь незамеченными и нераспознанными.

В рамках своей концепции П. Бурдьё рассматривает также стратегическую сущность габитуса, отличающую его от устойчивых моделей и норм структурных кодов. Представляя собой систему неосознаваемых мотивационных и телеологических структур, габитус сообщает практикам уже существующую в нем целесообразность и мотивированность, заданные образцы поведения,

которые необходимо просто реализовать. Обладая структурирующей природой, габитус проявляется в практиках агентов в виде необходимых и естественных практических схем, приспособленных к объективным условиям своей реализации.

Будучи сформирован в определенных социальных условиях, габитус соотносится с этими условиями, вбирает в себя их принципы и законы, является их продуктом. Понимание причин неравенства, неизбежно возникающего при такой соотнесенности и взаимообусловленности объективных и индивидуальных структур, затруднено для агентов, т. к. связь габитуса с условиями, его породившими, не является очевидной для них. Шансы занять выгодную позицию в том или ином социальном поле зависят от изначальной принадлежности агента к этому полю, вписанности в него, неосознанной подчиненности его законам, через посредство инкорпорированной структуры габитуса. Само стремление к тем или иным позициям в социальном поле возможно для агента только благодаря особым предрасположенностям, сформировавшимся в данном поле и вписавшимся с телесную структуру агентов, этому полю принадлежащих. Необходимо уже заранее обладать определенным культурным, экономическим или политическим капиталом, чтобы получить возможность воспользоваться теми шансами и возможностями, которые предоставляет данное социальное поле. Определенные ограничения со стороны объективных структур, являющихся властными по своей природе, возникают в случае стремления агента занять желаемую позицию в поле, в которое он не был вписан изначально по факту своего рождения, и, соответственно, не имеющего габитуса, который позволил бы ему безболезненно вписаться в выбранную им структуру.

Структурный аспект возникновения неравенства раскрывается Бурдьё через понятия поля, капитала, позиции. Объективные структуры представляют собой вероятностную систему доступа к тем или иным благам, услугам, власти и задают условия адекватной оценки агентами своих шансов получить объективные преимущества занимаемой ими позиции для достижения благ и власти и воспользоваться ими. Понятие позиции определяется Бурдьё по отношению к понятию поля, которое понимается им как система отношений между различными силовыми позициями. В контексте принципа двойного структурирования поле рассматривается, с одной стороны, как объективная структура силовых позиций, не зависящая в своих свойствах от индивидуальных или коллективных агентов, с другой — как позиционность, предназначенная для занятия ее отдельными агентами или группой агентов, с целью присвоения статусных и властных характеристик, присущих той или иной позиции. Властной, силовой структурой поля, дающей агентам полномочия доминировать над другими агентами, выступает капитал. В теоретической концепции Бурдьё именно капитал является той силовой инстанцией, которая конституирует поле, дает агентам полномочия делать ту или иную стратегию доминирующей в данном поле, а также вступать в борьбу за перераспределение силового соотношения в свою пользу.

Следует отметить, что понятия капитала и доминирования имеют явные отсылки к марксистской парадигме. Однако Бурдьё радикально пересматривает

смысл этих понятий. Отрицая ведущую роль экономического поля* в качестве базисной константы многомерного социального пространства, Бурдьё нивелирует первенство экономического капитала в системе распределения лидирующих позиций между агентами в этом пространстве. Вместо этого он говорит о необходимости учитывать совокупное сочленение различных видов капитала: культурного, экономического, социального и символического, для определения общей силовой позиции агента в системе социальных отношений.

Процессуальная область срединных диалектических понятий интегративных теорий Э. Гидденса и П. Бурдьё позволила ввести в поле социологического исследования современные формы неравенства. Однако описание и аналитика дальнейших социальных изменений, происходящих в конце XX — начале XXI вв., потребовали радикализации теоретического аппарата социологической теории, описывающего структуры неравенства, что стало возможным в рамках «мобильной социологии» Дж. Урри, обратившейся к изучению социальной реальности как потоковой динамичной структурности.

«Мобильная социология» Дж. Урри

Массовые изменения, происходящие в структуре экономической, политической, социальной жизни, технологические и организационные инновации привели к процессам реструктуризации времени и пространства и сделали необходимым введение в сферу социологического анализа понятия глобального. Попытка осмыслить глобальное как новый тип мирового социального порядка предпринимается в рамках социологического подхода, исследующего процессуальные структурные трансформации, мобильные потоковые структуры, динамично развивающиеся сложные системы. Представитель данного теоретического подхода, Дж. Урри, в своей работе «Глобальная сложность» (Urry 2003) предпринимает анализ глобального с позиций теории сложности, полагая, что глобальное само по своей сути является теорией сложности. Используя методологический аппарат указанной теории, позволяющий рассмотреть глобальное как открытую динамическую систему, Урри представляет глобальное как метафору, а не как теоретическое понятие. Краткий анализ различных типов обществ, предпринятый им в одной из глав работы «Глобальная сложность», позволяет выявить, что каждое общество пользуется для своего описания особым типом метафоры, оформляющейся под влиянием тех или иных технических объектов, играющих ведущую роль в описываемый исторический период**. Метафоре, таким образом, отводится роль проводника исторических различий между обществами, роль презентатора этих различий в эпистемологии. Жесткая фиксированность, неизменность, абстрактность, характеризующие понятийную сферу, не затрагивают метафору. Глобальное, понятое как метафора, сближает его с теорией сложности, позволяющей ввести многовариантность

* О разрыве с теорией К. Маркса в данном пункте П. Бурдьё заявляет в своей статье «Социальное пространство и генезис “классов”» (Бурдьё 2005б).

** Так, для обществ индустриального типа ведущей метафорой, по Урри, является метафора объектива. В качестве метафоры информационного общества автор обозначает голограмму (Urry 2003).

в определение глобального, понять глобальные структуры как динамично развивающиеся, нелинейные процессуальности. Чтобы перейти к описанию нового типа глобальных структур, понимаемых Урри как сложные динамично циркулирующие потоки, обратимся к некоторым положениям теории сложности, которая является базовой для теории потоков Урри.

Теория сложности рассматривает мир как комплексную, самоорганизующуюся систему взаимозависимостей, одномоментно существующую и разворачивающуюся на разных пространственно-временных уровнях. Внутри означенная система не имеет фиксированного членения на физический и социальный регионы, представляя собой гибридный сплав физического и социального. Характеристическими чертами системы являются взаимообусловленность глобального и локального уровней, диспропорции между причиной и следствием событий, дисбаланс, необратимость и непредсказуемость процессуальных трансформаций, включенность наблюдателя в наблюдаемое явление, рассмотрение явлений в динамике. Описываемая система темпоральна. Темпоральность представлена как внутреннее свойство системы, неотделимое от пространства. Пространство и время являются взаимообусловленными. Процессы или явления, будучи «вплетены» в темпоральное пространство системы, влияют на кривизну данного пространства, получая, в свою очередь, от него направление для своего развития и движения. Данное темпоральное свойство системы используется Урри при объяснении неотделимости структуры от процесса, при описании процессуальности структуры.

Динамическая связность локально производящихся действий и глобальных последствий внутри сложноорганизованной системы становится возможной благодаря структурирующему принципу итерации. Развиваясь в среде нестабильных и необратимых взаимоотношений, проходя через миллиарды итераций, глобальное и локальное необратимо трансформируются в потоке времени. Сложный характер структурно-действенных трансформаций объясняется возникающим эмерджентным свойством системы, которое она приобретает, многократно перестраивая себя в ходе резонирующих итерационных процессов, исходящих из локальных уровней. Вновь возникающая эмерджентная целостность системы обладает необратимостью во времени. Процессуальная интенсивность системы возрастает посредством реализующейся положительной обратной связи, многократно усиливающей внутреннюю мощь системы.

Легитимность использования положений теории сложности для исследования глобальных социальных структур обосновывается Урри тем, что представленные глобальные структуры являются гибридными, и, соответственно, сложными по своей сути (Urry 2003: 17–18). Внутри сложных глобальных структур Урри различает сетевые структуры как неподвижную мобильность и новый уровень структурности — сложные быстродвижущиеся динамичные потоковые структуры. Сущность нового структурного уровня раскрывается Дж. Урри в оппозиции к теории Э. Дюркгейма. По Урри, Дюркгейм отказывается в статусе научности чувственным представлениям, аффектам, текучему времени и пространству, считая, что задача науки заключается в том, чтобы абстрагироваться от постоянно изменяющегося характера чувственности в пользу достижения уровня понятий, фиксированных и неизменных коллек-

тивных представлений (Урри 2003: 61). Для Урри перечисленные аффекты, чувственные представления составляют сущностную природу глобальных потоков. Мобильные динамичные структуры или потоки представляют собой потоки ощущений, находящиеся в состоянии перманентного становления. Это метафорические образы, нефиксированные понятия, постоянно изменяющиеся восприятия. Движение потоковых структур осуществляется в режиме необратимых темпоральностей, отклоняющих данные структуры от линейного рутинного времени.

Одним из главных свойств потоковых структур является эмерджентность. Нелинейные эмерджентные свойства производятся гибридными процессуальностями, представляющими собой сложное переплетение социального и природного, глобального и локального. Возникновение эмерджентного эффекта системы предопределено, но не обусловлено, агентами, действующими итеративно на местных уровнях в условиях ограниченной информационной осведомленности о происходящих событиях. Не имея общей картины происходящего, локальные действия агентов, передаваясь, транспортируясь, связываясь, независимо от них самих, производят в результате эмерджентный эффект совсем в другом месте системы.

Проблема неравенства, в рамках теории потоковых структур Урри, получает свое развитие через категорию власти. Внутри текучего пространства потоков нет глобального центра власти, власть текуча. Она течет, отделяясь от собой территории или пространства. Она не является непрерывной. «Путешествие по миру — вот новый актив власти. <...> Власть гибридна, а не просто социальна, она материальна» (Урри 2003: 112).

Заключение

Подводя итоги предпринятого исследования, акцентируем внимание на выводах, которые можно сделать, исходя из анализа диалектических онтологических категорий интегративных концепций Э. Гидденса и П. Бурдьё и категории потоковых структур «мобильной социологии» Дж. Урри. Полагаем, что аналитика указанных категорий позволяет определить теоретическую траекторию, в соответствии с которой происходит внутренняя трансформация понятийного аппарата современной социологической теории, занимающейся исследованием социальной структуры. Прежде всего, речь идет о включении в область современного социологического исследования диахронического уровня социальной структуры, что связано с усилением внимания к активной роли творческого субъекта в генерировании и трансформации объективного социального порядка в рамках интегративных концепций, со стремлением преодолеть традиционное противостояние субъекта и объекта, социального действия и социальной структуры. Выявленный процесс развивается далее концептуальными подходами, исследующими потоковые динамичные структурности. В рамках данных подходов происходит трансформация срединных диалектических категориальных областей, являющихся предметными для интегративных теорий. В частности, в концепции «мобильной социологии» Дж. Урри осуществляется переход от рассмотрения структурности, обладающей рекурсивными свойствами, к структурирующему ите-

ративному принципу*, лежащему в основе трансформаций, происходящих на локальных и глобальных уровнях современной социальной системы, а также происходит переосмысление социальных структур как изначально гибридных, т. е. представляющих собой нераздельный сплав физического и социального.

Тема неравенства по-разному представлена внутри каждого из рассмотренных теоретических подходов. У Э. Гидденса проблема неравенства не поставлена явно, но вписана в логическую структуру самой теории структуриации. Неравенство предстает здесь как продукт деятельности агентов, попутно воспроизводящих автономные объективные структуры в процессе совершения того или иного действия. Имея неравный доступ к использованию ресурсов, агенты мотивируются к совершению только определенных, а не всех, действий из общего числа объективно возможных. Таким образом, через посредство индивидуальной или групповой деятельности агентов осуществляется воспроизводство социальной структуры неравенства.

Иной подход к неравенству демонстрирует теория П. Бурдьё. Понятия капитала, поля, позиции определяются как очевидно властные, силовые структуры, позволяющие агентам занимать доминирующую позицию в том или ином поле. Проблема неравенства становится главной темой социальной теории двойного структурирования социальной реальности.

В контексте теории «мобильной социологии» Дж. Урри происходит трансформация проблемы неравенства в категориях мобильности и динамичной структурности, имеющей гибридную сущность.

Литература

Бурдьё П. *Практический смысл*. СПб.: Алетейя, 2001.

Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*, пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2005а.

Бурдьё П. *Социология социального пространства*, пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2005б.

Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуриации*. М.: Академический Проект, 2005.

Иванов Д.В. К теории потоковых структур, *Социологические исследования*, 2012,4: 8–16.

Ковалев А.Д. Э. Гидденс: современный тип социологического теоретизирования, *История теоретической социологии. Социология второй половины XX — начала XXI века: Учебное пособие для вузов*. Изд. 3-е. М.: Академ. Проект; Гаудеамус, 2010: 448–470.

Степин В.С. *О философских основаниях синергетики. Синергетика: Будущее мира и России*. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Урри Дж. *Мобильности*. М.: Праксис, 2012.

Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1998, 1(2): 60–70.

* Рассматривая концепцию «непреднамеренных последствий» Э. Гидденса, Дж. Урри говорит о необходимости усложнения дуализма между структурой и действием посредством замены принципа рекурсивности итерацией (Urty 2003: 46–47).

Федорова С.А. Современные концепции социальной структуры...

Шматко Н.А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё, *История теоретической социологии. Социология второй половины XX — начала XXI века: Учебное пособие для вузов*. Изд. 3-е. М.: Академ. Проект; Гаудеамус, 2010: 276–287.

Appadurai A. Disjunctive and Difference in the Global Cultural Economy, in: *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London: Sage, 1990.

Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture Volume 1: The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2010.

Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.